
ПОИСК И СНОВА ПОИСК

Путь к первой книге для молодого автора всегда необычайно труден. Сразу же приходится решать уравнения со многими неизвестными. Необходимо найти свою собственную точку зрения на факты, явления, на все, что называется жизнью, необходимо искать свои слова, а за словом точно угадывать интонацию, жест, глубинное движение характера, а за ним всего человека, в его счастливой или трагической неповторимости. Правда, нельзя думать, что дорога ко второй или третьей книгам будет куда легче, протореннее что ли, чаще случается как раз наоборот. Но в своей первой книге автор, кроме прочего, прежде всего открывает сам себя.

Все это с полным основанием можно отнести и к Вл. Конькову. Закончив литературный институт имени М. Горького, автор этой первой для него книги долгое время работает журналистом. Его статьи, репортажи, очерки печатаются в газетах, передаются по радио, а недавно рассказы и повесть появились на страницах альманаха «Огни Кузбасса».

Это первые, может быть, самые ответственные шаги по крутым тропам художнического исследования всегда неоглядной, всегда загадочно сложной жизни, со всеми ее надеждами, разочарованиями, взлетами, неоднозначностью. Открывая такую книгу, невольно испытываешь чувство предстоящих открытий, встреч. На страницах книги обязательно ведь должны происходить события героико-трагические, но всегда обязательно необыкновенное в обыкновенном, всегда за бытом должно угадываться бытие.

В этом отношении характерен рассказ «Рябина у крыльца». Внешне он ровен, без «пережимов» и ухищрений, но внутренне, подспудно

сложен, как сложны бывают человеческие взаимоотношения, человеческие судьбы, если пристально присмотреться к их сердцевине.

Пожилой вдовец пенсионер-шахтер Дмитрий Константинович, отец взрослых детей, сына и дочери, давно уже живущих самостоятельно, своими семьями, неожиданно для соседей, еще неожиданнее для сына с дочерью женится на одинокой сорокалетней Наталье, женится, презрев недобрую молву о женщине, несоответствие их возрастов. И не ошибся Дмитрий Константинович, он обрел свое позднее счастье, хотя никогда и ни от кого не скрывал, что несчастлив не был и в своем первом долголетнем браке. А с ним рядом обрело долгожданный покой и мятущееся сердце Натальи; женщина, может быть, впервые в жизни, почувствовала, что такое свой кров над головой, родной человек рядом, о котором можно заботиться не уставая, на которого можно без оглядки опереться во всем. Она стойчески, с завидным мужеством, высоким достоинством встречает гневные филиппики сына Дмитрия Константиновича Геннадия, его решительное и попросту оскорбительное неприятие отцовского брака, вообще весь этот «ме-зальянс».

К Геннадию с невольным удивлением начинаешь присматриваться: мещанин? да еще воинствующий? так откуда это в нем — от среды? Но среда рабочая, шахтерская. Приходится согласиться, что мещанство, это опаснейшее социальное явление, может быть и «благо приобретенным». А от мещанства до жестокости — рукой подать.

После нечаянной, как часто бывает, неожиданной смерти Дмитрия Константиновича Геннадий, явившийся с этой вестью (отец скончался у него в гостях), буквально на том же кругу, почти насильно выдворяет Наталью из отчего дома, хотя все имущество в нотариальном порядке было завещано именно ей. Но что значит для этого взбешенного эгоиста судьба женщины и в конце концов сама смерть отца, если у него подошла очередь на покупку автомобиля, а для этого продажа старого, но добротного обиходного дома разрешила все затруднения.

Чтобы ни говорилось многократно об авторской тенденциозности, даже такой неприкрытой, как в «Рябине у крыльца», читатель, видимо, примет ее с открытой душой. Читатель всегда на стороне добра.

Мне кажется, нет надобности обращать внимание читателя отдель-

но на каждый рассказ, на их достоинства и недостатки, читатель во всем этом сам разберется. Подробно же о «Рябине у крыльца» потому, что и остальные рассказы — «У «Доброго пути», «Айда, папа, айда», «А вот послушай, что скажу...», «Соседи», несмотря на несхожесть возникающих в них ситуаций, коллизий, — почти все в одинаковой степени обращены к раскрытию чистых, жизнеутверждающих сторон в поведении людей, к мотивированному отрицанию зла, к активной борьбе с ним. Мы верим в искренность старого шахтера, бывшего воина Шитикова, в счастье молодой матери-одиночки Тамары Смолиной, в то, как с помощью соседей неожиданно-негаданно кончается сиротство, отчужденность одинокой Михайловны.

И то, что именно такие вот стороны человеческого бытия в первую очередь исследуются автором, дает нам право сказать, что он на правильном, плодотворном пути.

Особое место в книге занимает повесть «Утренняя смена»:

Шахтерский бригадир Анатолий Токарев умеет широко и влюбленно и трезво смотреть на жизнь со всеми ее часто неожиданными поворотами, он отчетливо осознает свое место в коллективе, в семье, может быть, он иногда бывает и рефлексивен, но все же основное в нем — прямота, бескомпромиссность, если дело касается человеческого достоинства. Его отношение к товарищам по комплексному механизированному забою, к жене Надежде, к художнице Ларисе со всей убедительностью свидетельствует, что из любого положения он может найти достойный выход. Да, выход найдет, но это не значит, что он начисто лишен сомнений и как бригадир и как друг, муж заботливой хлопотуньи Нади. Серьезным испытанием для него явилась встреча и последующая дружба с Ларисой. Он так вспоминает минуты расставания с нею. Она сказала:

«— Спасибо тебе, милый, за все!»

И неожиданно я ясно осознаю истинный смысл этих слов. Утром же я их воспринял чуть ли не как насмешку, издевательство, как намек на мою трусость, нерешительность.

Глупо! Это же были слова прощения отвергнутой женщины, прощения за слезы, за одинокую ночь в чужой холодной спальне, за мою любовь к другой.

Еще, как я сейчас понимаю, это были слова прощания и слова

благодарности за то, что мы оба нашли в себе силы избежать мелкой и липкой лжи.

«Спасибо и тебе», — подумал я о Ларисе.

Наш вагончик качнуло на разминовке... И оттого ли, что, наконец, пришла ко мне необходимость действовать, я почувствовал, как привычная деловая сосредоточенность овладевает мною».

Слово — всегда инструмент для высекания четких граней в бесконечной череде фактов, явлений материального и духовного мира людей. Но для этого слово должно быть подобно алмазу.

У автора впереди нелегкие поиски собственных и точных средств выражения. Хочется твердо верить: поиски эти увенчаются успехом. Рассказы и повесть Вл. Конькова, предлагаемые читателю в этом сборнике, — достаточное этому ручательство.

А. Волошин.